

Изъ этюдовъ по исторіи русскаго церковно-политическаго сознанія.

к р

ВЫПУСКЪ II.

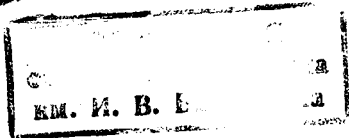
Н. И. Сфимовъ.

ПРЕПОДОБНЫЙ

Кирилль Бѣлозерскій

и его посланія.

КФ 7249035

СИМБИРСКЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІА А. Т. ТОКАРЕВА.
1913.

П Р Е П О Д О Б Н Ы Й

Кириллъ Бѣлозерскій и его посланія.

Въ исторіи древне-русской политической мысли вполне определенное мѣсто занимаетъ преп. Кириллъ Бѣлозерскій. Къ его времени наша письменность успѣла охватить довольно широкій кругъ книжно-теоретическихъ догмъ по вопросамъ государственности, но все это не что иное какъ разрозненные идеи, брошенные на подвернувшійся удобный случай, въ формѣ сентенцій лѣтописца или назиданій проповѣдника, отдѣльные штрихи, такъ и не слитые въ цѣльную, стройную композицію. Я разумѣю библейское ученіе о богоустановленности власти и объ обязанности повиновенія ей, съ византійскими его обработками и дополненіями изъ свято-отческихъ твореній, издавна, почти вслѣдъ за официальнымъ благовѣстіемъ Руси Евангелія, провозглашавшееся спорадически и мелко, по частямъ, пришлою греческой и юго-славянскою іерархіей и своеземнымъ, національнымъ духовенствомъ ¹⁾. Писанія же Кирилла являютъ намъ уже нѣкоторую систему политическаго міросозерцанія, болѣе или менѣе внутренне-спаянное теократическое жизнепониманіе.

Въ качествѣ литературнаго дѣятеля съ политическимъ отбѣнкомъ, Кириллъ возбуждаетъ даже особый интересъ. Онъ — *учительный старецъ*. Это — чрезвычайно свѣтлый, обаятельный типъ инока до-Петровскихъ вѣковъ, вымелькавшій, впрочемъ, и въ преобразованной Россіи. Любопытныя антиноміи представляютъ отношенія его къ міру и міра къ нему. Отшельникъ бѣжалъ въ монастырь или въ неприступную

¹⁾ О политическихъ темахъ древне-русской письменности трактуетъ диссертация проф. М. А. Дьяконова, Власть Московскихъ государей, глава II, Сиб., 1889.

глушь лѣса, чтобы тамъ заслонить и обезпечить свой блаженный покой отъ житейскихъ тяготъ и соблазновъ, отъ тревогъ суетнаго дня, отъ опасной для смиренія мятежной „молвы“, отрекался и ограждался отъ міра, но тщетно: міръ настигалъ его и за высокой монастырской стѣной, ломился въ его уединенную келью, открывалъ его въ дебряхъ лѣсной пустыни, нарушалъ его суровое безмолвіе, несъ къ нему злобу современности, жгучіе запросы текущей минуты, требуя отъ него отълика на свои мучительныя думы, сочувствія удавшейся радости, облегченія скорби, помощи въ постигшей бѣдѣ, истины духовнаго, христіанскаго просвѣщенія, и въ результатѣ отшельникъ, иногда „безысходный“, вопреки первоначальному своему стремленію къ рѣшительному разрыву съ міромъ, невольно уступалъ натиску міра, втягивался въ общеніе съ нимъ, въ усиленное служеніе ему путемъ устной бесѣды и письмени, превращался въ могучаго воспитателя общественной совѣсти, въ проводника и направителя тенденцій и умоначертанія эпохи. Его искалъ къ нему льнуть, подчасъ навсегда съ нимъ оставался міръ, имъ презрѣнный и отвергнутый, находившій себѣ въ немъ горячее осужденіе, но покоренный и очарованный его нравственнымъ богатствомъ, величіемъ его самоотрицанія и самопожертвованія, строгимъ аскетизмомъ его подвиговъ, энергіей торжества духа надъ грѣховною плотью, мудростью и душеполезностью его теплаго слова, искренностью въ „божественныхъ“ книгахъ. Такъ, идеальная натура подвижника, манившая къ нему міръ, и нужды историческаго момента, навязанныя ему изъ міра и ждавшія его вниманія къ себѣ, его участія, сближали земныхъ и небесныхъ человѣковъ. Кромѣ двухъ сейчасъ обозначенныхъ, дѣйствовали у насъ и другіе связующіе, единящіе факторы: внѣсословность монашества, его юридическое положеніе и обычай печалованія, духовничество иноковъ среди мірянъ. Постригъ въ монашество свѣивалъ съ людской памяти соціальное былое постриженника, черная мантия сглаживала остроту его

классовой или областной принадлежности¹⁾, создавая лучшую почву для братства съ нимъ во Христѣ почитателей всякаго званія и, при ихъ количественной массѣ, при громкой славѣ праведника, вскармливая религіозный панруссизмъ, концепцію „Святой Руси“²⁾.—Глубоко, даѣе, цѣнило древне-русское общество „печалованіе“ своихъ пастырей, ихъ исконное право, коренившееся въ рецепированномъ византійскомъ Номоканонѣ („Кормчей“) и подтвержденное еще церковными уставами князей Владиміра Св. и Ярослава Мудраго, представлять предъ свѣтскою властью за опальныхъ и обидимыхъ. Оно составляло ихъ личный, какъ бы именной актъ и встрѣчало въ своей практикѣ добрыхъ и худыхъ дѣлателей, ибо сопровождалось для нихъ серьезнымъ рискомъ. Того же, кто не гнался за преходящими утѣхами жизни, кому нечего было терять въ юдоли тѣбна,—того печалованіе не должно было смущать: вотъ почему чернецъ часто оказывался желательнымъ и достойнымъ ходатаемъ, безстрашнымъ защитникомъ утѣсняемыхъ и провинившихся³⁾.—Издавна существовало у насъ и духовничество иноковъ въ мірской средѣ. Этотъ институтъ перешелъ къ намъ также изъ Византіи вмѣстѣ съ уставомъ Теодора Студита, по которому организовались отечественные монастыри, и обязывалъ ихъ обитателей педагогически и дисциплинарно вліять на міръ, заботиться о спасеніи своихъ мірскихъ духовныхъ чадъ, своей мірской покаяльной семьи. Важность его для укрѣпленія въ вародномъ быту христіанскихъ началъ, сгущалась тѣмъ обстоятельствомъ, что устная литургійная проповѣдь, какъ извѣстно, почти от-

1) Ср. укоризны Іованна Грознаго въ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь: „Ино то ли путь спасенія, что въ черницѣхъ боярнѣ боярства не стрижеть, а холопъ холопства не забудеть?... а въ здѣшнемъ монастырѣ, ровенство и по се время держалося, холопомъ и бояромъ, и мужикомъ торговь“.

2) В. Малининъ, Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 95. Кіевъ. 1901.

3) По древне-русскому мѣтнію, близость къ царю могла скорѣе удерживать пастыря отъ печалованія, чѣмъ располагать къ нему, изъ опасенія навлечь на себя царскій гнѣвъ и немилость. См. Волнинъ. Печалованію др.-рус. пастырей за опальныхъ, *Вѣра и Разумъ*. 1900, № 17 (сентябрь), стр. 272.

существовала въ древней Руси ¹⁾.—Перечисленные причины, выступая порознь или вкупѣ, и дѣлили типъ учительнаго инока, причастнаго къ мірскимъ бурямъ и непогодамъ. Однимъ изъ яркихъ представителей такого типа служить и преп. игумень Кирилль Бѣлозерскій (1337—1427 г.).

Кирилль (въ мірѣ — Козьма) происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода и былъ урожденцемъ Москвы ²⁾. Отецъ его умирая поручилъ своего сына попеченію родственника Тимофея, впоследствии окольного вел. кн. Дмитрія Ивановича. Впечатлѣнія молодости, конечно, не прошли для Кирилла безслѣдно. Если принять во вниманіе, что онъ прожилъ въ Москвѣ до 60 лѣтъ, т.-е. до 1396—7 г.,—слѣдовательно, пережилъ памятную годину Куликовскаго боя, сообщившаго Московскому князю значеніе національнаго вождя сѣверо-восточной Руси въ борьбѣ съ поганымъ агаринствомъ ³⁾, то нельзя не предположить въ немъ совершенно опредѣленнаго политическаго настроенія, несмотря на его келейное подвижничество. Въ лицѣ же сына побѣдителя татаръ онъ видѣлъ щедратаго благотворителя своей бѣлозерской обители. Ясно, что симпатіями своими онъ долженъ былъ, подобно своимъ современникамъ, тяготѣть къ Московскому великому князю, относиться къ нему съ довѣріемъ и надеждами. Василий Дмитріевичъ для преподобнаго есть уже „князь великій *всѣя земля русскія*“ ⁴⁾. При „собирательной“ политикѣ Москвы титулъ этотъ, естественно, употребляется старцемъ въ смыслѣ дѣйствительнаго вліянія и обаянія Московскаго князя на всю сѣв.-вост. Русь. Въ пользу этого гласитъ и скромное названіе удѣльнаго можайскаго князя Андрея Дмитріевича, брата Василия, „*властелиномъ въ своей отчинѣ*“ ⁵⁾ и то, что прилогъ „всѣя зем-

¹⁾ О духовничествѣ въ древней Руси можно читать очеркъ проф. С. И. Смирнова. Древне-русскій духовникъ. *Богосл. Вѣстн.*, 1898 и отдѣльный оттискъ.

²⁾ Житіе преп. Кирилла помѣщено въ приложеніи къ монографіи священника В. Яблонскаго, Пахомій Сербъ, стр. V и слѣд. Спб. 1908.

³⁾ В. О. Ключевскій, Курьезъ русск. ист., ч. II², стр. 24. М. 1908.

⁴⁾ Акты историческіе, т. I, № 12, стр. 21, столб. 1.

⁵⁾ Тамъ-же, № 16, стр. 25, столб. 2.

ля русскія“ продиктованъ явнымъ желаніемъ подчеркнуть чрезвычайнао высокое положеніе великаго Московскаго князя: „Ты, господине, князь великій всея земля русскія, и смиряся, ко мнѣ посылаешъ грѣшному и страстному и недостойному небеси и земля и того самаго иноческаго житія;... сямъ (т. е. смиреніемъ) *подобишися, господине, преблагому нашему Владыцѣ и Господу*, отъ толика неизреченна славы и съ высоты шедшему, насъ ради грѣшныхъ и смирившуся даже и до рабія образа. Сице, господине, и ты отъ толика славы міра сего преклонися смиреніемъ къ нашей нищетѣ“¹⁾. Въ параллель такому величію Василя Дмитріевича развивается преподобнымъ Кирилломъ и вся вообще теорія его власти въ посланіи къ нему о томъ, чтобы онъ примирился съ суздальскими князьями. „Ты же, господине, самъ, Бога ради, внемли себѣ и всему княженію твоему, *въ немъ же ты постави Духъ Святыи пасти люди Господня, еже стяжа честною си кровію*“²⁾. Этими словами, взятыми изъ Дѣян. Апостол. XX. 28 и относящимися тамъ къ епископамъ и пресвитерамъ, Кириллъ рисуеъ идеаль князя—пастыря, игумена ему подвластныхъ, и указываетъ, что источникъ власти великаго князя—Самъ Богъ, а объектъ властвованія—„люди Господни“. Отсюда онъ дѣлаеъ выводъ объ опасности положенія и громадной отвѣтственности князя за „всѣхъ крестьянъ, Богомъ порученныхъ (ему)“, прибѣгая къ такому сравненію: „Якоже бо о кораблехъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблзнится, малъ вредъ творить плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сѣтворяеъ пагубу: такоже, господине, и о князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творить всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяеъ вредъ“³⁾ и далѣе: „Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная кая власть не можетъ насъ избавити отъ велицемернаго суда

1) Акты историч. № 12, стр. 21, столб. 1.

2) Тамъ-же, столб. 2.

3) Тамъ-же, стр. 21, столб. 2 и стр. 22, столб. 1.

Божія¹⁾. Итакъ, власть „кормчаго“ государственнаго корабля, по Кириллу, есть не столько преимущество, сколько бремя, возложенное на него Божественной волей. А потому не должно гордиться и превозноситься ею: „Якоже бо великіа власти сподобъ я еси отъ Бога, толикимъ болшимъ и възданіемъ долженъ еси. *Въздай же убо Благодареніемъ, святыхъ его храня заповѣди*, всякаго уклоняясь пути ведущаго въ пагубу“²⁾, и нѣсколько ниже: „Ты же, господине, съ многою твердостію храни собѣ въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо святой Апостоль: „миръ имѣйте и святиню, безъ нея же никтоже узреть Господа“. „Возненавиди, господине, всякую власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помысль и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію“³⁾. Преподанныя здѣсь князю обязанности сводятся, такимъ образомъ, къ *соблюденію имъ заповѣдей Божіихъ и смиренію*: это чисто библейская теократическая точка зрѣнія. Затѣмъ въ посланіи слѣдуетъ частное примѣненіе очерченной теоріи великокняжеской власти, важное еще и потому, что оно знакомитъ насъ со взглядомъ бѣловерскаго отшельника на княжескія междуусобія: „Да слышелъ есми, господине князь великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими князми суждальскими. Ты, господине, *свою правду* сказываешь, а они *свою*; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. *Ино, господине, посмотри тою истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ*“⁴⁾. Любопытно, что Кириллъ возвышается надъ взглядомъ простаго моралиста: онъ признаетъ, что у Василія Дмитріевича можетъ быть „своя правда“, которую онъ безъ ущерба для земли поступиться не можетъ. За такую „правду“, согласную съ голосомъ совѣсти

1) Акты историч. № 12, стр. 21, столб. 2.

2) Тамъ-же, стр. 22, столб. 1.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же, стр. 22, столб. 1.

(„посмотри того истинно“), преп. Кирилль одобряетъ стоять. Но, съ другой стороны, онъ не благословляетъ крутой ломки удѣльнаго порядка: во 1-хъ, быстрое, преждевременное сокрушеніе его ведетъ къ тому, что „межи васъ крестьяномъ кровоплитіе велико чинится“; во 2-хъ, сами удѣльные князья подвергнутся страданію экономическому и нравственному, которое не допускаетъ оправданія подѣ угломъ „правды“. Желая не ги выходѣ изъ этой коллизіи, изъ этого точно заколдованнаго круга, Кирилль взываетъ къ великодушію великаго князя („въ чемъ будетъ ихъ правда предѣ тобою, своимъ смиреніемъ поступи на себе“); удѣльнымъ же князьямъ онъ вмѣняетъ какъ бы въ обязанность добить челомъ великому князю: *равенства между спорящими для преподобнаго нѣтъ*. „А почнуть ти, господине, бити челомъ, — продолжаетъ онъ: — и ты бы господине, Бога ради, *пожаловаль ихъ, по ихъ мѣртъ*; занеже, господине, тако слышеть есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, Бога ради, *покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались*“¹⁾.

Въ другомъ, болѣе позднемъ, посланіи бѣлозерскаго подвижника къ можайскому князю Андрею Дмитріевичу, въ удѣльныхъ его замѣчаніяхъ, библейская теократическая идея выступаетъ съ большею подробностью, выпуклостію. Прежде всего царство, какое имѣетъ въ виду Кирилль здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ первомъ своемъ посланіи, есть особое, христіанское, можно даже сказать, богоизбранное, ибо члены его суть „созданіе и раби“, искупленные честною кровью Господа. „Властелины отчиянъ“ этого царства, въ томъ числѣ и князь Андрей, „отъ Бога поставлены“ — „люди свои уйматі отъ лихова обычая“²⁾. Въ чемъ состоитъ упомянутый „лихой обычай“, поясняетъ перечень задачъ княжеской власти. Кирилль предписываетъ князю цѣлую правительственную про-

1) Акты истор. № 12 стр. 22, столб. 1 и 2.

2) Тамъ-же, № 16, стр. 25, столб. 2.

грамму, объемлющую надзоръ и устраненіе такихъ дѣяній, въ которыхъ никакого нарушенія личныхъ и имущественныхъ правъ ему подвластныхъ не содержится. Отъ князя имъ требуется наблюдать, чтобы „судь... судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; клеповъ бы... не было; подметовъ бы не было; судьи бы... посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: „да не оправдиши нечестиваго мзды ради...“ Пророкъ рече: „ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка ..“ И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, *то велика пагуба душамъ*: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны *неправедныя*; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати *труда ради*. Тако же, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойны.. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста“¹⁾. Рядомъ съ намѣченными задачами, князь, по Кириллу, обязанъ преслѣдовать проступки изъ области отношеній человѣка къ Богу. Если нѣкоторые изъ проступковъ, указываемыхъ бѣлозерскимъ старцемъ, и входятъ въ рамки полицейскаго права, являясь нарушеніемъ общественной тишины и благопристойности, то самъ онъ разсматриваетъ ихъ, какъ оскорбленіе Бога: „Тако же, господине, уймай подъ собою люди *отъ скверныхъ словъ и отъ ласкъ*, понеже *то все прогнѣваетъ Бога*; и аще, господине, не подцишися всего того управити, *все то на тебѣ възыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ*“²⁾. Предъ нами отнюдь не простое смѣшеніе функцій властей свѣтской и духовной, а особое тол-

1) Акты истор. № 16, стр. 25, столб. 2 и стр. 26 столб. 1.

2) Тамъ-же.

кованіе полномочій князя: послѣдній,—учить на основѣ Св. Писанія Кирилль,—предназначенъ Самимъ Богомъ вести вѣр- ренныхъ ему людей по пути истины. Вотъ почему сфера вѣ- дѣнія княжеской власти такъ широко раздвигается у преп. Кирилла. Поэтому же преподобный наставляеть: „А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, постыгись не можете, а молитися лѣнитесь; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнить. А Великому Спасу и Пречистѣй его Матери Господѣ Богородицѣ, заступницѣ крестьянской, чтобы есте, господине, *вельми молебны пѣти по церквамъ...* Блуди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова праз- на; и *аще кого видиши отъ вельможъ своихъ или отъ про- стыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, възбраняй:* понеже, господине, то все прогнѣвать Бога¹⁾. И ты, господине князь Андрей, о всемъ о томъ внимай себѣ, занеже глава еси и властитель отъ Бога поставленъ иже подъ тобою крестьяномъ“²⁾.

На этомъ остановимся и теперь подберемъ итоги: формулируемъ сущность политической теоріи бѣлозерскаго старца по обоимъ его использованнымъ для анализа посланіямъ. Земля Русская, по Кириллу, представляетъ совокупность „крестьянъ“ (=христіанъ), искупленныхъ кровью Господа; долгъ ихъ — неотступно идти къ достиженію верховной цѣли своего земного бытія—спасенію души, единенію съ Богомъ. Чтобы они не уклонялись въ сторону отъ этой цѣли, Богъ воздвигъ надъ ними руководителей—„властителей“, князей. Тѣ призваны какъ лично быть безусловно нравственными, такъ и блюсти за исполненіемъ религіозно-нравственныхъ требованій въ общественномъ и частномъ обиходѣ своей княжой паствы. Ихъ положеніе—высокое, опасное и отвѣтственное. Они — помазанники Божіи („тя

¹⁾ Въ былинѣ о Дюкѣ кн. Владимірѣ дѣлаеть выговоръ богатырю за то, что онъ, богатырь, глядитъ по верхамъ въ церкви.

²⁾ А. И., т. 1, № 16, стр. 26, столб. 1.

постави Духъ Святыи пасти люди Господни“), воплощители на землѣ Божественной правды, кормчіе жизни, долженствующіе направлять свою дѣятельность ко благу „крестьян“, а не ихъ кровопролитію. Имъ надлежитъ свято хранить законъ высшей правды, строить народную жизнь на началахъ правды—справедливости (праведности), труда, чтобы „люди Господни“ достигали своей конечной цѣли, а не губить ихъ души своей правственной шаткостью и нерадѣніемъ, за что съ нихъ, князей, взыщется отъ Бога. Таковы политическія мысли „великаго свѣтильника“, какъ называетъ преп. Кирилла Іоанвъ Грозный ¹⁾. Онѣ озарены сильнымъ свѣтомъ Св. Писанія.

Н. Ефимовъ.

Казань.

Сентябрь 1913 г.

¹⁾ См. посланіе именуену Кирилло-Вѣловскаго монастыря Козмѣ съ братіей.